

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

© 1993 г., ЭО, № 3

В. А. Шнирельман

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ОДНОЙ НАУКИ: ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАЛИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА *

Более полувека этногенетические исследования считались одним из главных направлений деятельности наших специалистов. Большинство отечественных этнографов последних поколений принимало в них то или иное участие, причем эти занятия до самого недавнего времени имели и определенный престиж. Напротив, западная наука мало интересовалась вопросами этногенеза, и западные специалисты порой с недоумением, а порой и с порицанием¹ относились к советским этногенетическим изысканиям. Почему вопросы этногенеза привлекали такое большое внимание в нашей стране? Почему на их изучение тратились весьма значительные средства? Почему лучшие специалисты считали за честь участвовать в развитии именно этого направления? Наконец, когда и в каких условиях пробудился интерес к этногенезу? Ведь сейчас мало кто помнит, что в советской науке был период, когда этногенетические исследования не только не поощрялись, но даже преследовались. И советская наука обратилась к этногенетическим изысканиям лишь в конце 1930-х годов.

В небольшой журнальной статье невозможно ответить на все эти вопросы. Здесь представляется уместным сконцентрировать внимание на событиях 1930—1940-х годов, которые привели к существенному перелому в нашей науке. Это особенно важно, ибо многие идеи, теории, подходы, даже сама система рассуждений, господствовавшие в советской науке до конца 1980-х годов, восходят своими корнями именно к предвоенным и первым послевоенным годам. Что же происходило в эти годы?

Для ответа на этот вопрос следует вернуться несколько назад и обратиться к тому идейному климату, который царил в советской науке в 1920-х — первой половине 1930-х годов. Тогда в исторической науке безраздельно господствовала «школа М. Н. Покровского», а в лингвистике совершался переворот, связанный с именем акад. Н. Я. Марра. М. Н. Покровский, старый большевик, соратник Ленина, был видным историком, который обратил весь свой революционный пыл против досоветской русской историографии. Исходя из партийной идеологии, Покровский являлся рьяным противником монархического строя, что и стало лейтмотивом его сочинений. В дореволюционной России он в соответствии с большевистской доктриной видел только империалистическое полицейское государство, «тюрьму народов», и по мере сил обличал ее колониальные захваты. Он подвергал уничижительной критике российских императоров, российскую аристократию, российскую буржуазию, российских священнослужителей и в конечном счете старые российские порядки и нравы. В своих сочинениях Покровский выступал защитником угнетенных в прошлом нерусских народов России.

* Настоящая работа выполнена при поддержке Международного фонда «Культурная инициатива» (Москва, 1993 г.).

В соответствии с этим он отвергал сам термин «русская история» как «контрреволюционный», не учитывающий многонационального состава российского населения. Короче говоря, Покровский являлся убежденным антигосударственником и интернационалистом².

Н. Я. Марр также выступал с позиций интернационализма. Ориенталист по образованию, он имел большие заслуги в изучении армянской и грузинской литературы³. Однако с годами его интересы все более сдвигались в сторону сравнительного языкознания и доистории. И в 1920-х — начале 1930-х годов всю свою энергию он направил на развитие именно этих дисциплин. Будучи неудовлетворен изученностью кавказских языков и второстепенной ролью, которую они играли в современном ему сравнительно-историческом языкознании, Марр сперва попытался доказать их внутреннее родство и большую древность. Так, он сконструировал яфетическую семью языков, которую связывал с определенным единством по крови, или расовым типом⁴. Тем самым расширение яфетического ареала он поначалу объяснял переселениями, что вполне соответствовало идеям, царящим в его время в сравнительном языкознании и археологии.

В последующие годы он выдвинул идею о том, что языковое развитие происходило не столько по линии лингвистического древа, как на том настаивала классическая индоевропеистика, сколько, напротив, путем смешения и «скрещивания» языков. Это стало центральным пунктом поздних работ Марра, из чего следовало несколько важных выводов: во-первых, все современные языки, а с ними и народы — смешанные, т. е. образовались в древности в результате тесного взаимодействия различных групп населения; во-вторых, этим утверждался примат автохтонного развития, которое происходило на месте непрерывно от стадии к стадии путем интеграции соседних групп, что позволяло отводить миграциям лишь второстепенную роль в эволюции, а то и вовсе их отрицать; в-третьих, язык, культура, раса, религия и т. д. — все это, как подчеркивал Марр, исторические категории, которые подвержены изменениям во времени, следовательно, между ними не было сколько-нибудь жестких корреляций; в-четвертых, культуры и языки, в том числе и древние, были не просто смешанны, а классовы по своей сущности.

Иначе говоря, Марр выводил этничность из этнической стратификации, возникшей при слиянии разных племен, которые занимали в новой социальной общности разные социальные позиции, образуя своеобразные сословия. Эта идея созрела у Марра еще в 1915 г.⁵ и сопровождала все его последующие сочинения. Причем в дальнейшем классовый принцип построения культуры приобрел у Марра универсальное всеохватывающее значение, и он считал его едва ли не изначальным с тех пор, как первобытные маги изобрели язык и тем возвысились над остальным населением. Напротив, само этническое качество выступало в концепции Марра чем-то преходящим и эфемерным. Он писал: «Собственно этнических культур по генезису не существует; в этом смысле нет племенных культур, отдельных по происхождению, а есть культура человечества определенных стадий развития, ныне сокращаемая частично или вразбивку племенами, часто целой группой или целыми группами отсталых племен и народов, сама же культура едина по происхождению, все ее разновидности — производные от единого процесса творчества на различных ступенях его развития. Разновидности, значит, существуют? Конечно, но это разновидности не мистическо-национальные, а реально-классовые»⁶. Следовательно, изучать надо было не специфические линии развития отдельных уникальных или особых культур, а универсальные стадии культурного развития, не отдельные «языковые семьи», а «языковые системы». С этой точки зрения, не существовало ни «прародин», ни «праязыков», а происходил лишь перманентный процесс бесконечных изменений. Это вполне соответствовало основной идее школы Покровского о том, что надо изучать прежде всего этапы, общие для истории всех народов, независимо от различий между ними⁷.

Отчего происходили изменения? — задавал вопрос Марр. И отвечал: от

социально-экономических сдвигов. Так, по его мысли, яфетические языки пере-
рождались в индоевропейские в результате открытия и распространения метал-
лургии⁸. Эта идея достаточно четко была сформулирована Марром в 1924 г. в
работе «Индоевропейские языки Средиземноморья», которая считается важной
вехой в развитии яфетической теории⁹. Именно с этого времени Марр особенно
настойчиво выступал за междисциплинарные исследования, способные
объединить усилия лингвистов и археологов.

Короче говоря, работам позднего Марра были свойственны антирасизм,
антиколониализм, защита самоценности культур малочисленных неиндоевро-
пейских народов. Национальность он объявил «переходной ступенью развития
человечества», тем самым отрицая этнос как вечную категорию. В то же время он
считал, что человечеству с ранних пор присуща классовая структура именно в
силу постоянного группового смешения, или, выражаясь современным языком,
этнической стратификации, о чем упоминалось выше. Все эти идеи как нельзя
лучше соответствовали идеологии 1920-х годов, особенно в том упрощенном виде,
который придали ей Сталин и его окружение.

Оценивая необычайно высокий авторитет М. Н. Покровского и Н. Я. Марра в
1920-х — начале 1930-х годов, когда к ним благоволили высшие властные струк-
туры, необходимо учитывать общественно-политический климат той эпохи. Ведь
в дискуссиях о формах будущего советского государства, которые проходили в
начале 1920-х годов, победила линия Сталина на создание жесткой унитарной
государственной структуры в противовес идеям о конфедерации или новом типе
федерации, выдвигавшимся Лениным и многими большевиками с национальных
окраин. Поворотным пунктом в утверждении сталинской концепции послужило
совещание в ЦК РКП(б) в июне 1923 г., где Сталин обвинял своих противников в
национализме и стремлении расколоть страну¹⁰. В итоге под покровом СССР
была воссоздана имперская политико-административная структура, которая иде-
ологически маскировалась лозунгами интернационализма. В течение первого
десятилетия существования советской власти позиции национал-большевиков
были все еще сильны, а центральная власть не настолько окрепла, чтобы жестко
диктовать им свою волю. Вот почему в борьбе против национализма, которая была
имманентно присуща советской модели интернационалистической идеологии,
упор до поры до времени делался на «великодержавный шовинизм» и лишь во
вторую очередь на «местный национализм». Все это особенно отчетливо прозвучало
в речи Сталина на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. Затрагивая национальный
вопрос, Сталин разъяснял, что в многонациональном государстве при диктатуре
пролетариата развиваются «социалистические по своему содержанию и
национальные по форме культуры», в чем, по его мнению, и заключалась суть
интернационализма. В перспективе, когда пролетариат победит во всем мире, эта
тенденция приведет к слиянию всех культур и образованию единой социалистиче-
ской культуры с одним общим языком. А до тех пор, утверждал он, требуется
неустанная борьба на два фронта — против великодержавного шовинизма и мес-
тного национализма. При этом главный упор он сделал на борьбу именно против
великорусского шовинизма¹¹.

Какое отношение все это имело к этногенетическим исследованиям? До недав-
него времени дискуссии 1930-х годов в нашей науке было принято рассматривать
как обусловленные прежде всего внутринаучными потребностями и интересами¹².
Между тем это было далеко не так. В 1920-е годы, когда Советское государство
еще только становилось на ноги, когда шла ожесточенная внутривластная борьба,
государству было не до науки. И во многих областях науки продолжали
развиваться те направления, которые возникли еще в предреволюционной
России, с их специфическими идеями и подходами. Скажем, в археологии продол-
жали бытовать представления о связи культуры, расы и языка, причем делались
попытки отождествления конкретных археологических комплексов с
этническими группами¹³, определенное распространение получили идеи школы
«культурных кругов»¹⁴, большое значение придавалось миграции и культурным

влияниям. И в этом отношении советская наука 1920-х годов мало чем отличалась от западной. Ситуация резко изменилась в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов в связи с интенсивным внедрением марксизма в археологию и этнографию, причем марксизма, понимаемого именно в духе сталинских высказываний этого времени. К руководству наукой пришли представители нового поколения, воспитанные в ожидании мировой революции и искренне верившие в близкую победу коммунизма в глобальном масштабе. Их идеологией был интернационализм, понимаемый как обязанность науки заниматься исключительно глобальными универсальными закономерностями, призванными доказать уникальность российского опыта, а следовательно, и неизбежность социалистических революций в других странах.

Наибольшей активностью среди этих выдвинутых выделялись С. Н. Быковский и В. Б. Аптекарь, верные сподвижники Марра, убежденные, что следование «правильным» методологическим подходам может с лихвой компенсировать нехватку знаний об изучаемом предмете. Действительно, ни тот, ни другой не имели систематического образования в археологии, этнографии или лингвистике. С. Н. Быковский начал свою карьеру как преподаватель истории в Вятском педагогическом техникуме, а В. Б. Аптекарь, врач по образованию, долгое время был занят издательской деятельностью¹⁵. Между тем оба сыграли заметную роль в разгроме старых археологических и этнологических школ и утверждении «марксизма» в советской науке в его «марристской» упаковке. Последнее тем более парадоксально, что до 1927—1928 гг. сам Марр был весьма слабо знаком с марксизмом¹⁶.

Особое усердие в деле «марксистской» перестройки советской науки проявил С. Н. Быковский, пытавшийся не без успеха соединить приведенные выше указания Сталина с идеями, почерпнутыми у Покровского и Марра. Вслед за Марром Быковский отстаивал идею единого происхождения всех народов мира от одних и тех же древних предков. Становление народов, получившее в те годы название «этногония», представлялось ему в виде бесконечных скрещений разнокультурных групп в ходе социально-экономической эволюции, представленной повсюду одними и теми же стадиями. От стадии к стадии размеры вновь образованных групп в ходе межкультурной интеграции все возрастали. Схематически Быковский изображал этот процесс в виде перехода от небольших хозяйственных «тотемических» групп к родовым группам, затем к племенам, потом к народам и, наконец, после мировой социалистической революции — к мировому коммунистическому обществу, объединяющему все человечество¹⁷. Иными словами, Быковский утверждал, что «единая социологическая схема исторического процесса разных обществ мира обосновывает неизбежность пролетарской революции и диктатуры пролетариата на Западе и во всем мире, устраняя мысль о какой-то самобытности и исключительности революции в нашей стране»¹⁸. Одновременно эта схема претендовала на историческое обоснование создания Советского Союза и присоединения к нему все новых и новых общностей. В этом и заключался пафос отказа от термина «русская история» и утверждение ее конца как самостоятельной науки, в чем Быковский¹⁹ почти дословно повторял Покровского.

При этом Быковский отчетливо сознавал политическую подоплеку своей позиции: «Сознательно или бессознательно, историк творит политическое дело, обнаруживая свои политические интересы и убеждения и в выборе темы исследования, и в методологических приемах, и в планировке исторического материала». Он понимал, что эта политическая позиция способна влиять и на решение спорных вопросов: «В таких случаях устами историка говорит политик, который слепо видит в исторических источниках только то, что мило его сердцу»²⁰. И он с гордостью сообщал о своей добровольной политической тенденциозности²¹. Характерно, что эта идея благополучно дожила в СССР до самого недавнего времени, хотя уже в ином политическом контексте и с другим подтекстом. Так, еще сравнительно недавно один известный советский археолог любил повторять, что

если археологический материал допускает несколько разных интерпретаций, то следует выбирать из них ту, которая более патриотична.

Однако в начале 1930-х годов до «патриотизма» было еще далеко и Быковский призывал к отказу от «националистической истории» и «расовой археологии», разумея под ними попытки выявления каких-либо особых путей развития отдельных народов. Острие этой критики было направлено против распространенных в те годы на Западе, прежде всего в Германии, миграционистских теорий, выдвигавших механистические переселения народов на первый план в качестве универсальных объяснений культурных изменений. Отвергая миграционистские концепции как в принципе порочные в своей методологической основе, советские ученые конца 1920-х — начала 1930-х годов отмечали их связь с расизмом, милитаризмом и стремлением к территориальной экспансии²². И это были не просто абстрактные рассуждения. В них звучала тревога за будущее страны в связи с нараставшей у западных границ СССР угрозой фашизма и экспансионизма, идеологи которых пытались искать себе оправдание в отдельных исторических, археологических, этнологических и лингвистических теориях²³, хотя эти опасения были порой и излишне преувеличены.

Что советская наука могла противопоставить миграционистским концепциям? Тут-то и пригодилась теория Марра с ее ярко выраженным акцентом на автохтонное развитие. Опираясь на разработки Марра и развивая их, Быковский писал, что именно яфетическая теория кладет конец переносу современной политико-этнографической ситуации на древность, где не было ни «прародов», ни «прародин»²⁴. Не было там и «этносов», «племен», «праязыков», добавлял Аптекарь²⁵. А следовательно, бессмысленно искать корни современных народов в сколько-нибудь глубокой древности, где, по Марру, вместо племен, народов, национальных и этнических образований с их современными территориальными границами имелись небольшие группы, постоянно вступающие друг с другом в хозяйственно-общественные взаимоотношения и поэтому претерпевавшие бесконечные изменения как по составу, так и по языку и культуре²⁶. То, что называют племенем, писал Марр, не является некоей биологической общностью с какими-либо врожденными особенностями, а всегда является производным от смешения нескольких разных групп²⁷. Аналогичным образом разные языковые семьи — не расово различные образования, а «семьи хозяйственно-общественно народившихся языковых типов, возникавших в процессе сложения и развития общественного хозяйства и связанного с ним схождения, скрещения разных племенных языков»²⁸. Следовательно, так как этнические образования видоизменяются во времени, то нет и смысла отождествлять древние археологические культуры с образовавшимися позднее лингвистическими общностями, например фатьяновскую культуру с арийцами²⁹. Более того, нет никакого смысла вообще отождествлять этнос или языковую общность с культурой. «Для нас финской, иранской, турецкой единой племенной природы и единоприродной созданной ею культуры не может существовать, как не существует подобной индоевропейской племенной культуры и как заведомо нет и не было ни одной яфетической культуры, как нет ни одного яфетического языка без примеси племенного, без скрещения», — писал Марр³⁰. Язык, культура, религия — все это изменяется во времени, а поэтому невозможно, например, жестко связывать тюрков с кочевничеством³¹, а арабов с исламом³².

Подчеркну еще раз, что все эти идеи возникли не только как следствие чисто академических дискуссий, а основывались на четко определенных политических позициях. Быковский разъяснял последнее следующим образом: «Упорно изыскивая этнические и национальные признаки той или иной культуры и исходя при этих изысканиях из современной политической и этнографической карты, ученый-археолог, следующий принципам расовой теории, „научно“ обосновывает право империалистов на захват той или иной территории, доказывая ее исконную принадлежность соответствующей нации»³³. Вот почему Быковский³⁴, как и ряд других советских археологов³⁵ начала 1930-х годов, с энтузиазмом солидаризировались с Марром в отрицании тождества археологической культуры

с каким-либо этносом или расой³⁶. Один из наиболее авторитетных археологов того времени В. И. Равдоникас писал: «Старые представления о специфических культурах, свойственных тем или иным народностям, я думаю, должны быть сданы в архив истории науки»³⁷. Все же Равдоникас признавал наличие культурных единств, считая, правда, что за ними скрываются социальные общности, а не этносы. Зато логика присущих Быковскому глубоко политизированных рассуждений привела его к полному отрицанию термина «археологическая культура», как и вообще к отказу от специфической археологической терминологии, будто бы насквозь пропитанной буржуазным духом³⁸.

Учитывая высокую степень политизации и идеологизации советской науки того времени, вряд ли надо удивляться тому, что советские авторы отождествляли отдельные научные дисциплины со связанными с ними теориями. В частности, в начале 1930-х годов широко распространилось мнение о том, что миграционистские и расовые теории были якобы имманентно присущи археологии и этнологии. Поэтому Марр³⁹ и его ученики⁴⁰ требовали упразднить «буржуазные» археологию и этнологию, заменив их «историей материальной культуры», что отчасти и было выполнено на Всероссийском археолого-этнографическом совещании, проходившем в Ленинграде 7—11 мая 1932 г.⁴¹ С тех пор оценка тех или иных научных концепций исходила в советской науке прежде всего из идеологических установок, а не из методических подходов. Вот почему советские авторы в течение долгих лет так много сил и энергии отдавали выработке терминологии и отточенности формулировок, а не усовершенствованию методики.

Отрицая этническое отождествление археологических культур и выдвигая на первый план классовый принцип, лежащий в основании человеческих обществ, Н. Я. Марр пропагандировал теорию универсальных социально-экономических стадий, которые, по его мнению, соответствовали определенным языковым системам или состояниям. Считая язык надстройкой, Марр утверждал, что языки меняются в соответствии со сменой хозяйственных и общественных форм⁴². Не только языки, но и расовые типы — добавлял Быковский⁴³, доводя эту теорию до полного абсурда. Гораздо более взвешенным был подход И. И. Мещанинова⁴⁴, который связывал с социально-экономическими сдвигами прежде всего изменения в культуре, тем самым делая идею о социально-экономических стадиях более продуктивной для археологической разработки.

Однако в начале 1930-х годов все эти стадии выступали в работах археологов в обрамлении марристской фразеологии. Сам Марр ввел понятие яфетической стадии, которая стала в его работах подосновой практически всех языков мира. Он, в частности, был убежден, что «славяно-русская» общность сложилась на основе «скифо-яфетической»⁴⁵. Вслед за ним И. И. Мещанинов пытался выявить на археологических материалах трансформацию «скифской» стадии в «славяно-финскую»⁴⁶. С. Н. Быковский отстаивал реальность скифской, киммерийской и яфетической стадий, утверждая, что все они происходили одна из другой. Это, в его устах, означало единство происхождения народов мира, а тем самым отстаивание принципа интернационализма⁴⁷.

Одной из наиболее авторитетных работ, написанных профессиональным археологом, в начале 1930-х годов была монография В. И. Равдоникаса, посвященная готской проблеме⁴⁸. Эта работа — своеобразный итог археологических исследований в Крыму, проведенных группой ленинградских археологов начиная с 1928 г. В духе своего времени выступая против отождествления готов с древними германцами, мигрировавшими с севера, Равдоникас отрицал наличие каких-либо археологических следов подобных миграций. Поэтому он пытался нарисовать процесс автохтонного развития путем смены ряда социально-экономических стадий от киммерийской через скифскую и сарматскую вплоть до готской. Интересно, что он хорошо знал о наличии у готов германского языка, который сохранялся в Крыму в течение средних веков. И тем не менее для сторонников яфетической теории Марра здесь проблем не было: подобно отдельным элементам культуры, языки, по их утверждению, тоже возникали конвергентно, т. е. одни и те же языки

могли возникнуть в одних и тех же социально-экономических условиях независимо на разных территориях. В этом и заключалась суть теории «этногонии», которую пропагандировали Марр и его ученики⁴⁹. Ведь, по Марру, каждая национальность есть не что иное, как «переживание определенного этапа развития в истории человечества»⁵⁰. Тем самым он отождествлял происхождение любой этнической культуры с происхождением той или иной стадии в развитии культуры. Уникальности этнических культур в схеме Марра места не было⁵¹.

По той же модели А. Н. Бернштам рисовал картину развития в азиатских степях и пустынях: от «скифской» стадии к «гуннской» и затем к «тюркской»⁵². Фокусом всех работ такого рода являлся анализ социально-экономических факторов, которые обуславливали местное развитие культуры и общества. А использование для выделенных стадий таких штампов, как «скифская», «гуннская» и т. д., в работах профессиональных археологов играло по сути дела формальную роль и было определенной данью господствовавшему идеологическому климату. К проблеме происхождения конкретных народов все эти работы имели весьма слабое отношение. И не случайно один из видных советских археологов той эпохи М. И. Артамонов признавался позднее, что до конца 1930-х годов советские ученые собственно проблемами этногенеза не занимались и не имели для этого соответствующей методики⁵³. В этом отношении особенно показательно исследование Е. Ю. Кричевского⁵⁴, попытавшегося в противовес миграционистской концепции немецкого археолога Г. Коссинны показать, что с неолита до раннего бронзового века развитие на Южном Рейне, на Дунае и на Днепре шло автохтонным путем, а существенные изменения культуры происходили в силу социально-экономических причин, а не каких-либо миграций или влияний извне. Характерно, что Кричевский для выделенных им стадий воспользовался социологическими, а не лингвистическими или этническими понятиями.

Все это не случайно, ибо настоящие занятия этногенезом, т. е. попытки проследить специфические пути становления отдельных народов, были в условиях господства сталинского интернационализма невозможны. Ученый, осмелившийся на это, рисковал быть обвиненным в великодержавном шовинизме или местном национализме, а отсюда недалеко было уже и до обвинений в фашизме⁵⁵. Так, отождествление скифов с современными лингвистическими группами, будь-то славяне, тюрки или финны, с точки зрения Быковского означало «великорусский шовинизм», с которым следовало вести непримиримую борьбу⁵⁶. Такова была общественно-политическая и академическая атмосфера в течение короткой эпохи сталинского интернационализма.

В 1934 г. этой эпохе наступил конец. Разные авторы объясняют этот перелом по-разному⁵⁷, и, видимо, действительно он был обусловлен стечением ряда обстоятельств. Во-первых, к этому времени в СССР было построено тоталитарное командно-административное государство, развитие которого требовало прочной идеологической опоры; теперь ему приходилось выживать в одиночку, ибо надежды на мировую революцию окончательно рухнули. Во-вторых, завершение культурной революции привело к появлению новой национальной интеллигенции в республиках, которая начинала заявлять о своих особых национально-культурных и прочих потребностях. Как писал, будучи в эмиграции, русский философ Г. П. Федотов, многие народы России впервые пробудились к национальной жизни, «их молодое самолюбие чрезвычайно щепетильно. Они и сейчас с трудом переносят свою зависимость от Москвы», что, на его взгляд, было чревато будущими потрясениями⁵⁸. Очевидно, мысль Сталина работала в этом же направлении, и не случайно на XVII съезде ВКП(б) он объявил главной опасностью «местный национализм». В-третьих, в условиях надвигающейся внешней угрозы Сталину стало особенно очевидно, что единственной реальной силой, способной защитить империю, была русская нация. Между тем интернациональная пропаганда предшествовавшего десятилетия основательно подорвала русское национальное самосознание и ослабила русский патриотизм. Наконец, нельзя забывать, что впереди были война с Финляндией, присоединение Прибалтики и

новый раздел Польши. И борьба против исторического обоснования территориальных захватов явно не соответствовала текущему моменту. Как бы то ни было, теперь русская история и культура были реабилитированы, в университетах вновь начали открываться исторические факультеты, вводились различные формы национальной символики и т. д. А термин «великодержавный шовинизм» ушел в небытие. Как образно выразилась С. С. Неретина, совершилась подмена Бога мировой революции Богом русской истории⁵⁹.

Переломным моментом на этом пути стало обсуждение учебника истории, проведенное И. В. Сталиным с С. М. Кировым и А. А. Ждановым. Их замечания по поводу учебника, а также последовавшее специальное постановление ЦК ВКП(б) были опубликованы в 1936 г. А чтобы историки лучше осознали смену идеологического климата и быстрее включились в выполнение новых политических задач, разгрому была подвергнута школа Покровского. Эта кампания была инспирирована рядом постановлений ЦК ВКП(б) 1934—1938 гг. Среди главных обвинений Покровскому были «извращение» концепции русской истории, «клевета» на лучших представителей русского народа, «издевательство» над русским патриотизмом и — самое страшное и в то же время весьма симптоматичное — презрение к Родине⁶⁰. Одновременно начались аресты среди коллег и последователей Покровского и учеников Марра. В частности, были арестованы, а потом расстреляны Быковский и Аптекарь, обвиненные в схоластических псевдонаучных рассуждениях, будто бы отвлекавших специалистов от конкретных исследований и ликвидировавших археологию⁶¹. Все это заставило историков резко сменить курс. 5 мая 1936 г. в Москве состоялось собрание ведущих ученых-историков, одно из важнейших решений которого гласило о том, что необходимо уйти от абстрактных социологических схем и давать больше материалов по конкретной истории народов. Смысл этого положения раскрывается в речах ряда выступавших, призывавших давать активный отпор фашистской фальсификации истории, разоблачать германскую захватническую политику по отношению к славянам и показывать, что собой представляли древние германцы в действительности⁶².

Ответом на новую ситуацию стала подготовка многотомной серии «Древняя история народов СССР», начатая в 1936 г. по инициативе акад. Ю. В. Готье. Как уже отмечалось, археологи, полностью разоруженные марристами, не были готовы к такому обороту событий, и тем не менее уже к концу 1930-х годов они предприняли большую работу по изучению истории ряда бесписьменных народов СССР — тюркских племен и народов Алтая, народов Севера, бурятов, мордвы и т. д. Для исследования проблем этногенеза при АН СССР была создана специальная комиссия под руководством А. Д. Удальцова, которая уже в начале 1940-х годов провела четыре сессии: по этногенезу народов Севера (1940 г.), Средней Азии (1942 г.), славян (1943 г.), по индоевропейской проблеме (1944 г.)⁶³. Интересно, что эта работа по-прежнему велась приверженцами марристских идей и подавалась как якобы продолжение дела Марра, придававшего большое значение этногенезу⁶⁴. Внешне задача изучения древней истории народов СССР выглядела продолжением прежней политики интернационализма и, как подчеркивал А. Д. Удальцов, этногенетические исследования проводились в СССР в борьбе с фашистскими теориями происхождения народов⁶⁵. На самом же деле основная работа развернулась в области этногенеза восточных славян, на что и были брошены лучшие силы советских специалистов. Это вполне отвечало патриотическим националистическим установкам новой сталинской политики, которую С. А. Эфиров определил как «СССРовский национализм»⁶⁶.

Симптоматично, что и сам Марр был как будто бы готов к такого рода кардинальному повороту на 180°, отчетливо понимая его политическую подоплеку. Так, в последние годы жизни, противореча своей «стадиальной теории», он начал доказывать, что тюрки происходят из Средиземноморья⁶⁷, причем подчеркивал, что это согласуется с «основным тезисом государственной политики Турции за признание исторических прав турок»⁶⁸. Мидяне, халдеи, эламцы, шу-

меры, едва ли не все древние народы Передней Азии оказались, по этой теории, связанными с тюрками и тюркскими языками. Тем самым Марр объявил тюрков среди древнейших творцов европейской цивилизации⁶⁹. На каком основании? Да просто потому, что турецкие специалисты, в числе которых Марр упоминал и тогдашнего президента Турецкой Республики Мустафу Кемаль Гази, порвали с традицией европейского сравнительно-исторического языкознания, столь ненавистного самому Марру⁷⁰. Этим Марр «обогастил» советскую науку еще одной чертой — повышенной эмоциональностью и нетерпимостью к оппонентам.

Период конца 1930-х — начала 1950-х годов был особым в развитии советской археологии и этнографии, когда многие специалисты пытались приспособить марристскую методологию для решения этногенетических проблем. В этом отношении показательна работа одного из ведущих археологов того времени М. И. Артамонова, посвященная происхождению индоевропейцев, где автор попытался соединить марризм с коссиннизмом⁷¹. По-прежнему отвергая выводы Коссинны о северной прародине индоевропейцев и их завоевательных походах, автор теперь уже допускает этническую окрашенность некоторых археологических комплексов. С одной стороны, он вслед за Е. Ю. Кричевским основывается на теории стадильности, утверждая, что изменения в формах керамики, домостроительстве и пр. являлись прямым следствием трансформации хозяйства и быта, в частности развития подвижного скотоводства. Но с другой стороны, он уже был готов выделять археологические общности, определяя их вслед за Коссинной по керамике, и допускать их связь с этнографическими признаками. Он писал, что стадильное единство так или иначе всегда выражалось в какой-либо этнической общности, и на этом основании выделял «стадильно-этнические общности», которые по сути дела являлись теми же археологическими культурами: культурой шнуровой керамики, культурой колоколовидных кубков и т. д.

Тем самым началась реабилитация понятия «археологическая культура», хотя советские авторы вначале пытались отойти от его упрощенного механистического определения, свойственного построениям Коссинны. Так, А. Я. Брюсов, который ранее других обратился к этой проблеме, признавал связь археологической культуры с какими-либо социальными системами, но отмечал и методологические сложности их выделения и интерпретации⁷². Во-первых, трудно наметить четкие границы археологических культур, во-вторых, их различные элементы имеют нередко разные ареалы, в-третьих, наиболее яркие, так называемые «руководящие типы» материальной культуры часто отражают не столько родство населения, сколько межгрупповой обмен. Следовательно, за археологической культурой могут скрываться весьма различные виды связей между людьми, не допускающие априорной однозначной интерпретации. А значит, «археологическая культура отражает единство быта, но ни в коем случае не отражает единства расы или народа»⁷³. Однако в 1940-х — начале 1950-х годов с развитием этногенетических исследований, когда они были объявлены одним из важнейших направлений советской науки⁷⁴, у советских археологов все отчетливее отмечался сдвиг к коссиннизму, т. е. исключительно этнической интерпретации археологических культур. Теперь споры приняли иное направление — надо ли выделять археологическую культуру, т. е. этническое единство, по совокупности разных признаков⁷⁵ или же следует опираться на какие-то отдельные специфические признаки типа орнаментации на керамике⁷⁶.

Что же касается собственно советских этногенетических исследований рассматриваемого периода, то они стимулировались прежде всего идеологией «советского патриотизма». Выбор методологии играл при этом подчиненную роль, и поэтому она странным образом сочетала в себе элементы и марризма, и коссиннизма. Национализм влиял как на выбор темы, так и на ее разработку. С конца 1930-х годов главным полем этногенетических исследований стала славяно-русская археология, а главными сюжетами — происхождение и ранняя история славян, их прародина, формирование восточнославянской общности, развитие ранней славянской культуры и происхождение государственности. Цель

этих исследований заключалась в доказательстве самостоятельного местного формирования самобытной и богатой раннеславянской культуры и в то же время демонстрации значительной отсталости германских племен и их однозначно отрицательного воздействия на соседние народы.

Начиная с рубежа 1930—1940-х годов советские авторы настаивали на исключительно автохтонном развитии раннеславянского единства, возводя его корни к бронзовому веку, т. е. к доскифскому или даже трипольскому времени. Считалось, что археологически можно проследить прямую преемственность между трипольской культурой, скифскими памятниками, полями погребальных урн, антскими древностями и так вплоть до самого образования Киевской Руси⁷⁷. Как это резюмировал А. Д. Удальцов, в Восточной Европе наблюдался автохтонный процесс развития, и «великий русский народ» с его самостоятельной высокой культурой был прямым наследником трипольской, эллино-скифской, сармато-аланской и антской традиций⁷⁸. Еще дальше шел акад. Н. С. Державин, возводивший корни русского народа к палеолитической культуре Среднего Поднепровья, которая, в его устах, была самой развитой из синхронных ей культур Европы (а значит, и мира! — *В. Ш.*), в частности знакомой с зачаточными формами земледелия и скотоводства⁷⁹. Совершенно очевидно, что спор здесь велся с незримо присутствовавшей тенью Г. Коссинны, который в свое время искал предков германцев среди мезолитических обитателей Северной Европы, а славян считал дикарями, появившимися на исторической сцене сравнительно поздно. Вот почему Державин настаивал, что «начиная с эпохи палеолита и вплоть до наступления железного века... здесь (на юго-западе СССР. — *В. Ш.*) жил один и тот же в основном ядре народ, прошедший на протяжении ряда веков длинный период материального и культурного развития ... Мы не имеем никаких оснований не видеть в этом ... субстрат позднейшего славянского населения интересующего нас района, испокон веков занимавшего ту самую территорию, которую сейчас занимают в этом районе восточные славяне»⁸⁰.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не все советские специалисты разделяли самые крайние взгляды, присущие подходу Державина⁸¹, однако многие из высказанных им идей были в 1940-е годы достаточно популярны. Ядром протославянской территории считалось Среднее Поднепровье, население которого «скрещивалось» с соседями, что и привело позднее к образованию южных и западных славян. При этом по высокому уровню развития культуры Среднее Поднепровье всегда выгодно выделялось среди соседних областей и поэтому выступало в отношении них «гегемоном», как утверждал тогда Б. А. Рыбаков⁸². А Удальцов подчеркивал, что именно восточные славяне, или, иначе говоря, «великий русский народ», являются прямыми наследниками ядра древнейших славян на их исконной территории⁸³.

Наряду с этой теорией, параллельно ей и часто в работах тех же авторов отстаивалась идея об автохтонном формировании славянства на гораздо более обширной территории Центральной и Восточной Европы. Впервые эту идею также сформулировал верный последователь Марра акад. Н. С. Державин, определивший славянский ареал в начале новой эры между Доном и верховьями Оки и Волги на востоке, до Эльбы и Заале на западе и от Эгейского и Черного морей на юге до Балтийского побережья и Ладоги на севере⁸⁴. Он доказывал, что во второй половине I тыс. н. э. славянские колонии распространялись на западе до Рейна, а Гамбург был древним славянским городом⁸⁵. Следуя марристовской методологии, Державин утверждал, что среди предков славян были скифы, киммерийцы, фракийцы, сарматы, этруски и даже готы и гунны⁸⁶. В 1940-е годы эти идеи встречали сочувствие среди советских авторов. С особым энтузиазмом их подхватил С. П. Толстов, «оригинальный» вклад которого заключался в том, что он объявил предками славян не только скифо-сарматское население, но и фрако-иллирийское (галынтатская культура)⁸⁷. Интересно, что именно этим он объяснял быстрое распространение славянства на Балканах⁸⁸. В те же годы Державин писал, что болгары получили свое название от славянской (! — *В. Ш.*)

дружины во главе с Аспарухом⁸⁹. И это замалчивание тюркской основы аспарухова воинства вряд ли может удивлять, учитывая высказывания Толстова о «сармато-славянском» характере болгарского объединения и значительном славянском массиве среди хазар и в южновожской Сарматии⁹⁰.

Иными словами, в ответ на германскую «этногенетическую» экспансию советские авторы 1940-х годов стремились искать древнее славянство практически повсюду. На севере к предкам славян причислялись создатели дьяковской культуры⁹¹, и даже известный эстонский археолог Х. А. Моора тогда вынужден был признать, что на соседних с Прибалтикой территориях славянские племена являлись автохтонными⁹². А Державин и мысли не допускал, что восточные славяне расселились на севере по территории, занятой прежде финно-уграми; по его представлениям, славяне и финны «выросли» из единой «яфетической стадии»⁹³. Отчасти это опиралось на ранние археологические исследования П. Н. Третьякова, который поначалу считал, что северные группы восточных славян возникли на месте автохтонным путем⁹⁴.

Сходные тенденции проявлялись и в трактовке археологических материалов с юга России. Еще в довоенные годы в ходе археологических раскопок было установлено, что славяне впервые появились на Среднем и Нижнем Дону и на Тамани не ранее X в. н. э.⁹⁵ Однако в те же годы историк В. В. Мавродин, развивая идеи Марра, выдвинул мысль о том, что славяне сформировались там автохтонным путем на основе предшествовавших скифо-сарматских культур⁹⁶. Этот спор разгорелся с особой силой во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов с той лишь разницей, что после насильственной депортации крымских татар в 1944 г. появился добавочный политический фактор для поиска славянских древностей в Крыму. В те годы мало кого могла удивить фантастическая гипотеза Толстова о раннем «славяно-аланско-черкесском» государстве на Тамани под гегемонией русских князей⁹⁷, а Рыбаков всерьез полагал, что славяне могли обитать на Тамани и в низовьях Дона до X в. н. э.⁹⁸ Во второй половине 1940-х годов археологические работы в Крыму щедро финансировались, и к ним были привлечены лучшие специалисты, перед которыми стояла задача доказать славянский, или русский, исторический приоритет в Крыму. И археологи старались во всю. П. Н. Шульц писал в те годы: раскопки в Неаполе Скифском, Херсонесе и т. д. приблизили Крым к сердцу русского человека. Стало ясно, «что Крым — это не чужая, якобы татарская, гетуэзская, готская или греко-римская, но наша, родная русская земля»⁹⁹. Подобно другим, Шульц исходил из генетического родства между скифами и славянами. А его последователь П. Н. Надинский утверждал, что крымские земли изначально принадлежали славянам и их предкам скифам, что татары, таким образом, противоправно присвоили себе исконно русские земли и что только русские имеют неоспоримые исторические права на Крым как на свою территорию¹⁰⁰.

Тем самым германской этногенетической экспансии советские авторы противопоставили славянскую, и в этом отношении особенно показательной была переинтерпретация древностей западных земель. Если в 1932 г. В. И. Равдоникас сумел сохранить нейтралитет в германско-польском споре об этнической принадлежности лужицкой культуры, справедливо трактуя его как преследовавший прежде всего не научные, а политические цели¹⁰¹, то в послевоенное время советские авторы вслед за польскими настаивали на славянстве лугиев и лужицкой культуры¹⁰². М. И. Артамонов определил пшеворскую и оксивскую культуры как славянские, а не германские (вандалские)¹⁰³. А С. П. Толстов шел еще дальше, считая славянами равным образом и вандалов, и лангобардов и объявляя Заальбье древними славянскими землями¹⁰⁴. В свете всего этого становится понятным и отношение послевоенной советской науки к готам, которых немецкие специалисты считали едва ли не самыми одаренными и могущественными из германских племен. По Удадьцову, готы представляли собой разрозненные племенные группы с очень бедной культурой, которые, придя в Северное Причерноморье, быстро усвоили местную культуру и растворились среди местно-

го населения¹⁰⁵. А вот Державин вообще называл сведения Иордана о готах легендой. Он считал, что готы являлись местным яфетическим населением, причем ядро готского союза составляли «русские славяне»¹⁰⁶. Что же касается «готской державы» то здесь советские авторы были полностью единодушны, считая ее безусловным мифом¹⁰⁷. Раннесредневековые древности лесостепной и степной зон Украины, связанные с культурой погребальных урн, были объявлены раз и навсегда славянскими¹⁰⁸. Все это надолго лишило готскую проблематику археологической фактологической основы и заставляло специалистов¹⁰⁹ освещать ее, исходя исключительно из данных древних письменных источников.

Лишив древних германцев изрядного количества земель и культурного наследия, советские авторы уделяли им в этногенетической картине Европы столь же незавидное место, какое немецкие авторы 1920—1930-х годов отводили славянам. С. П. Толстов утверждал, что до I в. до н. э. немногочисленные германские племена прозябали в невежестве на задворках культурной Европы. Они были представлены остальными охотниками, рыболовами и примитивными земледельцами¹¹⁰. Не блистали они и языковыми достижениями, находясь на «переходной» от яфетической к индоевропейской стадии¹¹¹, и были, как не без злорадства добавлял Толстов, «поверхностно индоевропеизированы под воздействием соседних кельтов и протославян»¹¹². Вопреки утверждениям германских археологов советские авторы настаивали на том, что немецкий народ начал формироваться лишь с IX в. н. э., причем на расово и этнически неоднородной основе¹¹³.

Все это должно было развеять «легенду о германском культуртрегерстве», что и было зафиксировано, в частности, на Совещании по этнографии народов Прибалтики в 1950 г.¹¹⁴ Выступавшие на нем специалисты подчеркивали древние корни близости и дружбы народов Прибалтики с русским народом, причем даже в те отдаленные исторические периоды, когда между ними не было общих границ. Что же касается взаимоотношений с немцами, то они описывались лишь как извечная борьба; какие-либо положительные результаты этих взаимоотношений полностью отрицались. Напротив, русский народ в 1940-х — начале 1950-х годов не упоминался иначе как с эпитетом «великий», и было принято подчеркивать его облагораживающее влияние на соседей. Отмечалось, например, положительное влияние русской культуры на народы Среднего Поволжья в домонгольскую эпоху, куда русские будто бы принесли более прогрессивные формы хозяйства и быта¹¹⁵. Более того, даже в Венгрии в послевоенное время возникла тенденция писать о значительном политическом и культурном влиянии славян в период раннего средневековья¹¹⁶.

Все это трудно не поставить в связь с той ролью, которую Россия сыграла в победе над фашистской Германией, и с речью Сталина 25 мая 1945 г., в которой он подчеркнул особую заслугу в этом именно русского народа. Разрушенную экономически и расчлененную политически, Германию следовало добить и идеологически, не только развеяв миф об одаренных могучих воинах-германцах, несших в древности свет культуры и учености своим диким соседям, но и «доказав» примитивность древней германской культуры, будто бы намного отставшей от высокоразвитой славянской. Одновременно эта концепция несла и более широкую идеологическую нагрузку, возвышая Россию над западным миром в целом. Наконец, изложенная концепция давала историческое обоснование существованию советской империи во главе с русским народом и оправдывала территориальные приобретения, сделанные СССР в результате войны. Об этом С. П. Толстов писал буквально следующее: «... у истоков политической истории нашей страны стоят не отдельные, оторванные друг от друга, возникшие в разных местах политические центры, а некоторая более сложная и мощная политическая система, противостоящая, с одной стороны, западному политическому объединению — Римской империи... с другой стороны, на востоке противостоящая третьему политическому центру тогдашнего мира — Ханьской империи Китая ...». И далее: «Древняя история нашей страны должна рассматриваться не как история стихийно взаимодействующих отдельных пле-

мен, а как история сложной системы политического взаимодействия могучих древних государств, культурно и политически тесно связанных между собой и с родственными племенами севера, втянутыми в орбиту их экономического, политического и культурного влияния»¹¹⁷.

Иначе говоря, судя по приведенной цитате, предпосылки к образованию СССР сложились к началу новой эры, если не раньше. И действительно, как утверждал тот же автор, русский народ и «братские» народы Востока сформировались на одной и той же генетической основе — на основе скифо-массагетской и сармато-аланской среды¹¹⁸. Трудно не сопоставить все это с выдержкой из листовки общества «Память», выпущенной уже в наше время, которая гласит: «территории, традиционно принадлежащие разным этническим группам, должны оставаться Родиной общего проживания с обязательным приоритетом для нации, собравшей разные народы в рамках единого государства»¹¹⁹. И не случайно глава одной из группировок «Памяти» Д. Д. Васильев еще недавно советовал президенту Б. Н. Ельцину занять границы в пределах земель бывшей Российской империи¹²⁰. Видимо, предполагая возможность такого рода использования своих концепций, С. П. Толстов писал: «Мы далеки, конечно, от примитивного национализма, возвеличивающего все свое и презирающего все чужое ...»¹²¹.

Однако такие стыдливые оговорки вряд ли могли сбалансировать мощный заряд национализма, содержащийся в работах советских авторов по славяно-русскому этногенезу, опубликованных в 1940-х годах и сыгравших свою роль в формировании сегодняшних националистических настроений. И дело здесь не только в создании питательной идеологической среды для русского национализма, но и в росте ответного местного национализма. Ведь на самом деле изучение тенденций в этногенетических исследованиях позволяет проследить определенную цепную реакцию: этногенетический германский экспансионизм породил ответный этногенетический славянский экспансионизм, а это в свою очередь вызвало соответствующий ответ со стороны других, неславянских народов бывшего СССР и прежде всего тюркских. Борьба за прошлое в последние десятилетия все более накалялась, ибо создание этногенетического мифа являлось одним из немногих дозволенных видов деятельности, с помощью которых национальная интеллигенция могла легально выразить свое недовольство негативными явлениями в национальной сфере и свое беспокойство за будущее своих народов. Но это уже особая тема, заслуживающая специального анализа¹²².

Остается отметить, что в конце 1940-х годов у некоторых авторов начало наступать отрезвление, и они стали отдавать предпочтение более объективному прочтению источников перед их идеологически нагруженной интерпретацией. М. И. Артамонов решительно отказался от отождествления трипольцев и скифов с предками славян¹²³; вывод об ошибочности такого отождествления был окончательно закреплен на конференции по скифо-сарматской археологии в 1952 г.¹²⁴ А еще позднее М. И. Артамонов признал, что поля погребальных урн могли быть оставлены готами¹²⁵. П. Н. Третьяков, выступая на обсуждении своей книги¹²⁶, осмеливался высказывать еретические для своего времени идеи об отсутствии строгих доказательств генетических связей между славянами и дьяковцами, а также сколько-нибудь убедительных данных о присутствии славян на Дону и Тамани до X в. н. э. Наконец, он утверждал, что готы имели государственность. Все это, разумеется, не нашло понимания у многих участников дискуссии¹²⁷ и требовало определенного личного мужества. Время для переоценки этногенетических концепций, выдвинутых в 1940-е годы, еще не пришло, и противники общепринятых представлений подвергались жестокой критике, а научное продвижение их было весьма затруднено.

Так, очень непростыми путями наука развивалась в стране, где сиюминутные идеологические доктрины определяли оценку не только настоящего, но и отдаленного прошлого. Печально, что на этих доктринах было воспитано не одно поколение, и современные всплески национализма не в последнюю очередь обязаны этому фактору. Все это было, по-видимому, неизбежно при тоталитарном режиме

в условиях господства однопартийных установок, которые, разумеется, жестко контролировали развитие науки, обслуживавшей нужды однопартийного государства. К сожалению, и ныне в изменившейся обстановке наука нередко продолжает служить далеко не безобидным политическим целям. Если, как считается, наука способна давать прогнозы на будущее, то несомненно, первым долгом ученого является отчетливое понимание того, чему служат его исследования и какие политические последствия могут иметь развиваемые им теории. Думаю, в этом отношении российским ученым есть о чем поразмышлять, учитывая тот печальный опыт, который был частично проанализирован выше, а также интенсивный процесс политизации науки, происходящий в наши дни. Стоит напомнить, что в свое время американские антропологи, столкнувшись с весьма сомнительным результатом деятельности некоторых своих коллег, выработали особый кодекс чести, направленный против вовлечения антропологии в политические проекты, преследующие неблагоприятные цели¹²⁸. Отчего бы и российским специалистам не разработать такой кодекс под эгидой возникшей недавно Антропологической ассоциации?

Примечания

- ¹ См., например: Нужен ли народоведческий ликбез. Интервью с народоведом И. Левиным//Ожог родного очага. М., 1990. С. 242.
- ² *Неретина С. С.* Смена исторических парадигм в СССР (1920—1930 гг.)//Наука и власть. М., 1990. С. 32—35.
- ³ Подробнее см.: *Аллатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
- ⁴ См., например: *Марр Н. Я.* Кавказский культурный мир и Армения//Журн. Мин-ва народного просвещения. 1915. Ч. 62. Июнь. С. 287.
- ⁵ Там же. С. 293.
- ⁶ *Марр Н. Я.* Избр. раб. Т. 1. М.; Л., 1933. С. 236.
- ⁷ *Кушнер (Кнышев) П.* Нужно ли изучать общественные формы//Историк-марксист. 1927. Т. 6.
- ⁸ *Марр Н. Я.* Избр. раб. Т. 5. М.; Л., 1935. С. 325—326.
- ⁹ *Мещанинов И. И.* Марр как лингвист//Проблемы истории докапиталистических обществ (далее — ПИДО). 1935. № 3—4. С. 24.
- ¹⁰ *Ненаркоков А. П.* Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений//Отечественная история. 1992. № 2.
- ¹¹ *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М., 1936. С. 422—428.
- ¹² *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982; *Прахин А. Д.* История советской археологии: 1917 — середина 1930-х годов. Воронеж, 1986.
- ¹³ *Жуков Б. С.* Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп//Культура и быт населения Центральнопромышленной области. М., 1929. С. 33; *его же.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики//Этнография. 1929. № 1. С. 59.
- ¹⁴ *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на земле. М.; Л., 1928.
- ¹⁵ *Аллатов В. М.* Указ. раб. С. 55.
- ¹⁶ Там же. С. 68.
- ¹⁷ *Быковский С. Н.* Яфетический предок восточных славян — киммерийцы//Изв. Гос. академии истории материальной культуры (далее — Изв. ГАИМК). 1931. Т. 8. Вып. 8—10. С. 4.
- ¹⁸ Там же. С. 99.
- ¹⁹ Там же. С. 2.
- ²⁰ Там же. С. 2—3.
- ²¹ Там же. С. 5.
- ²² *Мещанинов И. И.* О доисторическом переселении народов//Вестн. Коммунистической академии. 1928. Кн. 29. № 5; *его же.* Теория миграций и археология//Сообщ. ГАИМК. 1931. № 9—10; *Богаевский Б. Л.* К вопросу о теории миграций//Сообщ. ГАИМК. 1931. № 8; *Кричевский Е. Ю.* Буржуазная археология в советском музее//Сообщ. ГАИМК. 1931. № 9—10; *Быковский С. Н.* О классовых корнях старой археологии//Там же; *его же.* Племя и нация в работах буржуазных археологов и историков и в освещении марксизма-ленинизма//Сообщ. ГАИМК. 1932. № 3—4; *Борисковский П. И.* Фашизирующаяся наука//ПИДО. 1934. № 9—10.
- ²³ *Худяков М. Г.* Финская экспансия в археологической науке//Сообщ. ГАИМК. 1931. № 11—12; *Пальвадре М. Ю.* Новое учение о языке и финноугроведение//Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933; *Равдоникас В. И.* Археология на службе империализма//Сообщ. ГАИМК. 1932. № 3—4; *его же.* Археология на Западе и в СССР в наши дни//Сообщ. ГАИМК. 1932. № 9—10; *его же.* Археология в Германии после фашистского переворота//Сов. этнография (далее — СЭ). 1935. № 1.

- ²⁴ Быковский С. Н. О роли изучения языковых явлений в борьбе за новую историю материальной культуры//Сообщ. ГАИМК. 1931. № 11—12. С. 6.
- ²⁵ Антекар В. Е. На путях к марксистской лингвистике//Вестн. Коммунистической академии 1928. Кн. 29. № 4. С. 264.
- ²⁶ МARR Н. Я. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков//Под знаменем марксизма. 1927. № 6. С. 38; *его же*. Избр. раб. Т. 5. С. 405.
- ²⁷ МARR Н. Я. Избр. раб. Т. 1. С. 241; Т. 5. С. 314.
- ²⁸ МARR Н. Я. Избр. раб. Т. 5. С. 331.
- ²⁹ Там же. С. 345.
- ³⁰ Там же. С. 314.
- ³¹ МARR Н. Я. Расселение ... С. 50.
- ³² Там же. С. 24.
- ³³ Быковский С. Н. О классовых корнях ... С. 2—3.
- ³⁴ Быковский С. Н. О роли ... С. 4—5; *его же*. Яфетический предок... С. 57.
- ³⁵ См., например: Кричевский Е. Ю. Указ. раб.
- ³⁶ Монгайт А. Л. Возникновение и первые шаги советской археологии//История СССР 1963. № 4. С. 80—81.
- ³⁷ Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры//Изв. ГАИМК. 1931. Т. 7. Вып. 3—4. С. 81.
- ³⁸ Быковский С. Н. К пересмотру археологической терминологии//Проблемы истории материальной культуры. 1933. Вып. 5—6.
- ³⁹ МARR Н. Я. Что дает яфетическая теория истории материальной культуры?//Сообщ. ГАИМК. 1931. № 11—12.
- ⁴⁰ К предстоящему Всесоюзному съезду по археологии и этнографии//Сообщ. ГАИМК. 1931. № 8.
- ⁴¹ Монгайт А. Л. Указ. раб. С. 84.
- ⁴² МARR Н. Я. Расселение ... С. 58.
- ⁴³ Быковский С. Н. Яфетический предок ... С. 12—13.
- ⁴⁴ Мецанинов И. И. О доисторическом переселении ... С. 235.
- ⁴⁵ МARR Н. Я. Избр. раб. Т. 5. С. 306, 340.
- ⁴⁶ Мецанинов И. И. Кромлехи у славян//Сообщ. ГАИМК. 1931. № 7.
- ⁴⁷ Быковский С. Н. Яфетинский предок ... С. 98.
- ⁴⁸ Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья//Изв. ГАИМК. 1932. Т. 12. Вып. 1—8.
- ⁴⁹ Быковский С. Н. Племя и нация ...
- ⁵⁰ МARR Н. Я. Избр. раб. Т. 1. С. 236.
- ⁵¹ Монгайт А. Л. Указ. раб. С. 82.
- ⁵² Бернштам А. Н. Происхождение турок (к постановке проблемы)//ПИДО. 1935. № 5—6.
- ⁵³ Артамонов М. И. К вопросу об этногенезе в советской археологии//Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры (далее — КСИИМК). 1949. Вып. 29. С. 4—5.
- ⁵⁴ Кричевский Е. Ю. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный//Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933.
- ⁵⁵ См., например: Пальвадре М. К. Указ. раб. С. 55.
- ⁵⁶ Быковский С. Н. Племя и нация ... С. 6.
- ⁵⁷ Авторханов А. Империя Кремля. Минск; Москва, 1991. С. 25, 43; Федотов Г. П. Судьбы и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 60.
- ⁵⁸ Федотов Г. П. Указ. раб. С. 60.
- ⁵⁹ Неретина С. С. Указ. раб. С. 41.
- ⁶⁰ Против исторической концепции Покровского. Т. 1. М., 1939; Рубинштейн Н. Л. Борьба с антимарксистскими извращениями и вульгаризаторством в исторической науке//Под знаменем марксизма. 1939. № 5.
- ⁶¹ Артамонов М. И. Достижения советской археологии//Вестн. древней истории (далее — ВДИ). 1939. № 2. С. 122—123; Толстов С. П. Советская школа в этнографии//СЭ. 1947. № 4. С. 13.
- ⁶² 1937 год. Институт Красной профессуры//Отечественная история. 1992. № 2.
- ⁶³ Толстов С. П. Советская школа ... С. 22.
- ⁶⁴ Артамонов М. И. Институт истории материальной культуры в 1939 г.//КСИИМК. 1940. Вып. 4.
- ⁶⁵ Удальцов А. Д. Теоретические основы этногенетических исследований//Изв. АН СССР Сер. ист. и филос. 1944. № 6. С. 252.
- ⁶⁶ Эфиров С. А. Социальный нарциссизм//В человеческом измерении. М., 1989.
- ⁶⁷ МARR Н. Я. Расселение ...
- ⁶⁸ МARR Н. Я. Избр. раб. Т. 5. С. 59—61.
- ⁶⁹ Там же. С. 97.
- ⁷⁰ Там же. С. 92.
- ⁷¹ Артамонов М. И. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра//Вестн. ЛГУ. 1947. № 2.
- ⁷² Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940. С. 8—16.
- ⁷³ Там же. С. 16.
- ⁷⁴ Артамонов М. И. Достижения ... С. 128—129; Толстов С. П. Советская школа ..

- С. 22; *его же*. Основные задачи и пути развития советской этнографии//Краткие сообщения Ин-та этнографии (далее — КСИЭ). 1950. Вып. 12. С. 9; Значение трудов товарища Сталина для изучения ранних периодов истории//КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 6; Задачи советских археологов в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам//Сов. археология. 1953. Т. 17. С. 14—15.
- ⁷⁵ *Артамонов М. И.* К вопросу об этногенезе в советской археологии С. 13; *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. С. 20; *Удальцов А. Д.* Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке//Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953. С. 14—15.
- ⁷⁶ *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР. М., 1952. С. 64—77.
- ⁷⁷ *Третьяков П. Н.* Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза//КСИИМК. 1939. Вып. 2; *его же*. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства//КСИИМК. 1940. Вып. 5; *его же*. Славянская (днепровская) экспедиция 1940 г.//КСИИМК. 1941. Вып. 10; *его же*. Северные восточнославянские племена//Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941; *Артамонов М. И.* Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси//КСИИМК. 1940. Вып. 6; *Левенок В. П.* Археологические работы Трубачевского музея//КСИИМК. 1941. Вып. 10; *Тиханова М. А.* Культура западных областей Украины в первые века нашей эры//Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941; *Рыбаков Б. А.* Ранняя культура восточных славян//Истор. журн. 1943. № 11—12; *Пассек Т. С.* Древние памятники в Приднепровье//Вечерняя Москва. 1945. № 229; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.
- ⁷⁸ *Удальцов А. Д.* Начальный период восточнославянского этногенеза//Истор. журнал. 1943. № 11—12. С. 72.
- ⁷⁹ *Державин Н. С.* Происхождение русского народа. М., 1944. С. 3—4.
- ⁸⁰ Там же. С. 7.
- ⁸¹ *Удальцов А. Д.* Теоретические основы этногенетических исследований//Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1944. № 6. С. 264; *Артамонов М. И.* К вопросу об этногенезе в советской археологии. С. 5.
- ⁸² *Рыбаков Б. А.* Указ. раб. С. 75.
- ⁸³ *Удальцов А. Д.* Начальный период ...; *его же*. Происхождение славян//Вопр. истории. 1947. № 7.
- ⁸⁴ *Державин Н. С.* Происхождение ... С. 46; *его же*. Славяне в древности. М.; Л., 1946. С. 23.
- ⁸⁵ *Державин Н. С.* Славяне ... С. 28—29.
- ⁸⁶ *Державин Н. С.* Происхождение ... С. 52, 53; *его же*. Славяне ... С. 11.
- ⁸⁷ *Толстов С. П.* Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского//Вопр. истории. 1946. № 4; *его же*. Из предьстории Руси//СЭ. 1947. Вып. 6—7.
- ⁸⁸ *Толстов С. П.* Древнейшая история ... С. 20.
- ⁸⁹ *Державин Н. С.* Славяне ... С. 50—51.
- ⁹⁰ *Толстов С. П.* Из предьстории ... С. 55.
- ⁹¹ *Третьяков П. Н.* Северные восточнославянские племена ...; *Рыбаков Б. А.* Указ. раб.; *Державин Н. С.* Происхождение ... С. 102; *Удальцов А. Д.* Происхождение славян. С. 97; *Монгайт А. Л.* Обсуждение книги П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена»//Вопр. истории. 1948. № 9; *Федоров Г. Б.* Обсуждение книги проф. П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена»//ВДИ. 1948. № 4.
- ⁹² *Моора Х. А.* Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии//КСИЭ. 1950. Вып. 12. С. 29—31.
- ⁹⁴ *Державин Н. С.* Происхождение... С. 102.
- ⁹⁴ *Третьяков П. Н.* Археологические памятники ...; *его же*. Некоторые вопросы ...; *его же*. Северные восточнославянские племена ...
- ⁹⁵ *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935; *Ляпушкин И. И.* Славяно-русские поселения IX—XII столетий на Дону и Тамани//Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941. Т. 1.
- ⁹⁶ *Мавродин В. В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв.//Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1938. Т. 11.
- ⁹⁷ *Толстов С. П.* Древнейшая история... С. 121.
- ⁹⁸ См. *Монгайт А. Л.* Обсуждение ... С. 138.
- ⁹⁹ *Шульц П. Н.* Историко-археологические исследования в Крыму//Крым. 1950. № 6. С. 147.
- ¹⁰⁰ *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. Ч. 1. Симферополь, 1951.
- ¹⁰¹ *Равдоникас В. И.* Археология на службе ...
- ¹⁰² *Артамонов М. И.* Спорные вопросы ...; *Удальцов А. Д.* Происхождение славян ... С. 98.
- ¹⁰³ *Артамонов М. И.* Происхождение славян. Л., 1950. С. 16.
- ¹⁰⁴ *Толстов С. П.* Древнейшая история ... С. 30.
- ¹⁰⁵ *Удальцов А. Д.* Происхождение славян ... С. 99; *его же*. Основные вопросы этногенеза славян//СЭ. 1947. Т. 6—7. С. 12; см. также *Тиханова М. А.* Указ. раб.
- ¹⁰⁶ *Державин Н. С.* Происхождение ... С. 38—40.
- ¹⁰⁷ *Удальцов А. Д.* Происхождение славян ... С. 99; *Толстов С. П.* Древнейшая история ... С. 119; *Шульц П. Н.* Указ. раб. С. 154; *Надинский П. Н.* Указ. раб. С. 43.
- ¹⁰⁸ *Артамонов М. И.* Спорные вопросы ...; *его же*. Происхождение славян; *Рыбаков Б. А.* Указ. раб. С. 77—78; *его же*. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина//Вопр. истории. 1952. № 9. С. 54.
- ¹⁰⁹ *Тиханова М. А.* Готы в Причерноморских степях//Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958; *Мерперт Н. Я.* Гунны в Восточной Европе//Там же. С. 156 сл.

- ¹¹⁰ Толстов С. П. Древнейшая история ... С. 31.
¹¹¹ Удальцов А. Д. Теоретические основы ... С. 261.
¹¹² Толстов С. П. Древнейшая история ... С. 31.
¹¹³ Чебоксаров Н. И. Этническая антропология Германии//КСИЭ. 1944. Вып. 1.
¹¹⁴ КСИЭ. 1950. Вып. 12.
¹¹⁵ Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С. 4; Смирнов А. П. Древнейшее население на территории Чувашии//Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. 1. С. 49.
¹¹⁶ Balint C. Some Ethnospecific Features in Central and Eastern European Archaeology during the Early Middle Ages: the Case of Avars and Hungarians//Archaeological Approaches to Cultural Identity. L., 1989. P. 191.
¹¹⁷ Толстов С. П. Из предыстории ... С. 49.
¹¹⁸ Там же. С. 53.
¹¹⁹ Память. 1992. Июнь. Прилож. 5.
¹²⁰ Соловей В. Д. «Память»: история, идеология, политическая практика//Русское дело сегодня. Кн. 1. М., 1991. С. 82.
¹²¹ Толстов С. П. Древнейшая история ... С. 122.
¹²² Шнирельман В. А. Наука об этногенезе как мифотворчество. Доклад, прочитанный на научной конференции «Миф и современность» 8 декабря 1992 г. Москва, Рос. гос. гуманитар. ин-т.
¹²³ Артамонов М. И. К вопросу о происхождении восточных славян//Вопр. истории. 1948. № 9; *ego же*. Происхождение славян.
¹²⁴ Вопросы скифо-сарматской археологии. М.; Л., 1954.
¹²⁵ Артамонов М. И. Славяне и Русь//Научная сессия 1955—1956 гг. в ЛГУ. Тезисы докладов на секции исторических наук. Л., 1956.
¹²⁶ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1948.
¹²⁷ Монгайт А. Л. Обсуждение ...; Федоров Г. В. Обсуждение ...
¹²⁸ Ethics and the Profession of Anthropology/Ed. Fluehr-Lobban C. Philadelphia, 1991.

A Poor Fate of the Discipline: Ethnogenetic Studies and Stalin's Ethnic Policy

Why ethnogenetic studies were so much overstressed in the USSR in recent decades? An author treats this issue as an ethnopolitical rather than pure academic one. Ethnogenetic studies were forbidden in the USSR in early 1930's when internationalist ideology predominated. That time the students had to stress autochthonous evolution in any given area: the concepts of homeland, mother tongue and migrations were rejected. The situation has changed since mid-1930's, when the national politics were reversed for the sake of Soviet, or Russian, nationalism. This involved academics into endless debates on the nature of archaeological cultures, on the homelands of various ethnic communities, on the deepness of their roots on their modern territories. The author especially analyses a problem of Slavic, or Russian, ethnogenesis as it was presented in Soviet studies from late 1930's till early 1950's in response to German «ethnogenetic expansion».

V. A. Shnirelman

© 1993 г., ЭО, № 3

В. Я. Петрухин

ВАРЯГИ И ХАЗАРЫ
В ИСТОРИИ РУСИ

Варяги и хазары стали вечными «полюсами» русской истории, воплощающими Запад и Восток, «заморские страны» и евразийские степи. В историографии всегда существовали и полярные оценки их роли в русской истории, советская же историография периода борьбы с космополитизмом усугубила эту ситуацию. Роль варягов (особенно в работах Б. А. Рыбакова) была низведена с позиций основателей русского государства (у летописца) до функции участников авантюрного сюжета о шайке норманнов, обманом захватившей на короткое время Киев;